

*Как я хочу, чтоб строчки эти
Забыли, что они слова,
А стали: небо, крыши, ветер,
Сырых бульваров дерева!*

*Чтоб из распахнутой страницы,
Как из раскрытого окна,
Раздался свет, запели птицы,
Дохнула жизни глубина.*

Владимир Соколов

Осенью 2003 года в «Народной студии» (это была студия при Союзе писателей России) я впервые увидела Ольгу Карагодову. Она была жизнерадостным и легким человеком, душой общества, прекрасным рассказчиком, могла оживить любое, даже самое официальное мероприятие.

Общались мы больше всего в 2004-2006 годах, до ее отъезда в Америку. Затем несколько лет переписывались, отправляли друг другу стихи.

Так получилось. Жизни и судьбы расходятся и рвутся, но остаются стихи. У Оли они — отголосок нашей тогдашней жизни и ее жизни — там, за границей, в Америке.

«...У нас опять установилась теплая, даже слишком теплая погода. А до этого некоторое время было очень дождливо и прохладно. В один из дождливых вечеров (это было еще в августе) я написала стихотворение. Пишу его тебе.

Я снова слышу музыку дождя
И подпеваю тихо, еле слышно.
Я так давно не видела тебя,
Не понимаю, как же это вышло...
Я одинока, как осенний дождь,
Но я пою так тихо, еле слышно.
Не понимаю, как же это вышло,
И жду, и жду, когда же ты придешь...»

*Из письма Ольги Карагодовой из Филадельфии.
10.09.2006.*

Тогда у нас уже был общий круг знакомых, который сложился постепенно, из тех, кто собирался поначалу в различных литературных студиях (потом мы придумали-создали уже свой литературный клуб «Твое слово» при музее Чернышевского, и Оля постоянно участвовала: читала свои стихи).

То, что мы дружили, не мешало мне адекватно оценивать стихи Ольги. Я понимала, что некоторые из них напоминают дневниковые записи без претензии на художественность. Ольга Карагодова сама не раздумывала над тем, чтобы сделать их литературнее, отстраненнее от себя. Понятие «лирический герой» трудно применить к ее стихам. В ранних ее вещах много черновых, недоделанных строк, переходов от обычной дневниковой фиксации увиденного и пережитого к иному, художественному изображению.

И все же ее стихам свойственна душевная цельность. Каждое стихотворение — единое душевное движение. Один образ органично вытекает из другого. Поэтому и не обращаешь внимания на рифмы, ритм, размер. Они проходят незамеченными. Будь то обычные рифмованные стихи, верлибры или их «смесь».

В стихах Ольги Карагодовой всегда есть собеседник, к которому она обращается. Сам разговор становится необходимостью в стихах.

Хочу я говорить с тобой! — О чем?
О чем-нибудь, но говорить!..
Послушай, не плечи надо укрывать плащом,
А только лишь — словами... душу.

Иной раз кажется, что так мог бы написать ребенок, если бы он владел стихотворной техникой. Ведь именно в свободном от дидактических штампов детстве создаются необыкновенные и — правдивые образы: гвоздики в печальных платьях, и важно тикающий будильник, и говорящая птица, и запросто подходящая к окну луна. И не только образы, но и естественная наивность интонации: «А тот, кто тебя полюбит, / Он будет большой и сильный. / Он будет даже красивый, / Но это не сразу видно».

Стихи Карагодовой просто, как Наташа Ростова, «не устаивают быть умными». Автору некогда умничать. У него много иных важных дел и забот:

Мы живем
В маленькой комнате
На последнем этаже небоскреба.
Ночью над нами —
Небо, луна и звезды.
А днем — облака, облака,
Которые я беспрестанно снимаю на фотокамеру,
Чтобы доказать себе и другим,
Что наш мир красив и любим...

В непосредственности Карагодовой скрывается то доверие к миру, родство и сродство, то вечное удивление мироустройством, которое необходимо, как воздух. И поэту, и читателям.

Но пока, открыленные,
Мы летаем во сне...
Мы, наверно, зеленые
И влюбленные все.

Когда мы придумали свой клуб, то мало задумывались о том, что будет дальше. Читали стихи друг другу, отмечали вместе праздники. Мечтали издать свой альманах (или коллективный сборник), но не получилось, слишком все были разные. Нам всем тогда было кому тридцать, кому двадцать с хвостиком, а кому и меньше двадцати. И никто не знал, что произойдет в дальнейшем. «Если я умру молодой» — есть у Оли такое стихотворение. Мы его повторяли все бездумно, не представляя, что оно может сбыться. Теперь так называется последний Олин сборник¹.

Ольга Карагодова последние пять лет жизни провела в Филадельфии, умерла после тяжелой болезни 4 марта 2011 года. 25 апреля ей исполнилось бы всего 44 года. Перед этим мы с ней разговаривали на Новый год — она звонила из Америки, старательно попадая на наши 12 ночи. Говорила, что с трудом встает и не может уже сидеть за компьютером, писать нам в Саратов письма. Но вот позволить может.

Уже в конце 2011 года я получила переданные мне подругой Ольги Карагодовой бусы ручной работы. Их делала сама Оля.

Было очень странно ощущать и держать в руках присланную таким образом вещь. И вот такое же ощущение возникает у меня, когда я держу в руках книги ее стихов. Стихотворение для нее — это ручная работа, то, что творится на радость людям. Ее прямота в стихах и в то же время очень женская декоративность написанного ею — это именно то, что привлекает к ее поэтическим вещам. На первый взгляд они просты, безыскусны, но каждое слово оказывается в них драгоценным и при этом талантливо точным.

Создание стихов для нее было так естественно и органично, что ей и в голову не приходило стесняться их, испытывать неловкость от того, что пишет. Может быть, потому, что Олины стихи были понятны всем, не требовали — для того, чтобы их воспринять — особой филологической подготовки. На первый взгляд казалось, что это искренние рифмованные строчки о чисто бытовых вещах и обычных человеческих чувствах и переживаниях. Возможно, в студиях эти стихи так и воспринимали. С точки зрения человека неподготовленного и мало читавшего, искренность и простота стихотворения — это и есть его основные достоинства. А с точки зрения поэта, стихи «делающего», а не создающего, то, что написано Ольгой Карагодовой, вовсе не стихи, так как до неприличия просто.

Тут и в самом деле возникает любопытная тонкость. Большинство людей, проходящих в литературную студию, учившихся на филфаке или в литературном институте, ориентировано на «образцы», то есть на то, как «надо» писать. Просто образцы эти разные. Кто-то застрекает на уровне штампов XIX века. Кто-то за образец берет тексты современных толстых журналов. Но, скопировав его, не пропустив через себя, получает только мертвую копию, имитирующую жизнь в стихотворении.

Ольга Карагодова много читала, стоит только вспомнить, сколько книг из ее домашней библиотеки осталось в Саратове — не смогли увезти, но никогда слепо на образцы не ориентировалась. Все стихи шли только от собственных переживаний. Стихотворная техника интересовала ее меньше всего, в одном стихотворении могли свободно сочетаться рифмованные и нерифмованные строчки, а то и вовсе это

¹ О.А. Карагодова. Если я умру молодой... — Саратов: ИЦ Наука, 2011.

были верлибры (свободные стихи и в смысле свободы внутренней). Чем-то они напоминают стихи Эмили Дикинсон. Не в смысле образной системы и не в смысле уровня, понятно, что в этом плане их сравнивать нельзя. А в смысле свободы сказанного, свободы обращения с поэтическим словом и ритмом стихотворения. Стихи для Ольги Карагодовой — ритм, свободное дыхание, и еще, конечно, особое видение.

Она не просто умела *внести* в стихотворение конкретное человеческое переживание. Оно, переживание, *становилось* этим стихотворением. Ольга Карагодова прекрасно умела передавать поэзию момента. Вот она говорит о солнце, пробивающемся сквозь жалюзи, — а через миг, за рамками этого стихотворения, солнца уже нет. Она пишет о гвоздиках в больничной палате, о летящих снежинках, об опадающих листьях, которые звенят в воздухе — приобщаются к какой-то единой городской музыке. О бабочке (тоже символ мимолетности, хрупкости жизни), о цветах — самых разных: это и простой букет иван-чая, и розы, подаренные на день рождения, и шиповник, сирень, подснежники — уже в воспоминаниях о России там, в Америке, и филадельфийские магнолии. Рисует и момент наступления сумерек, и хрупкий зимний пейзаж («кораллы инея на фоне голубом»), и необыкновенный зимний океан («Никогда не была на океане зимою, хорошо бы поехать и прихватить цифровик»).

Живое — очень хрупко, Ольга Карагодова говорит о нем со смешанным чувством жалости и восхищения. И к вещам проявляет повышенное внимание, любит их ими.

С «Зенитом» с цветною пленкой
На двадцать четыре кадра
Охочусь я за закатом
И мне так немного надо...
Чтоб дождь не испортил вечер,
Чтоб снова был теплым ветер,
Чтоб чайки опять кричали
Моей в унисон печали.

Обычно в стихах изображены дом, комната, — или улица, или вообще крохотный пятачок пространства: «серая бабочка бьется в стекло». Но на этом небольшом пространственном и временном отрезке всегда есть действие — развитие чувства, настроения.

Да, это поэзия мгновения. Мгновенного ощущения человека, окруженного вещами, бытом, человека, живущего обыденными делами, но — не отдельно от мира, а вместе со всеми людьми чувствующего свою сопричастность жизни и остро переживающего поэзию момента.

Само стихотворение «происходит» в момент проговаривания: «Я так люблю говорить стихами...» Опубликованные стихи Ольги Карагодовой тоже зачастую производили впечатление легких импровизаций. Этому способствовала и обманчивая предсказуемость рифм, их повторяемость. Но собранные в книгу «дубли» оказывались всего лишь повторами состояний и совпадением чувств. «Куст образов» (времена года, вязание и вышивание, цветы и вещи) един именно потому, что целостно само восприятие мира, и потому образные повторы здесь не раздражают, тем более, что важнее оказываются интонационное разнообразие — и ощущение, что, когда читаешь эти стихи, слышишь живой голос.

Оля была очень общительным, разговорчивым человеком. Чаще веселым, чем грустным. Может быть, поэтому даже самые печальные ее стихи — жизнерадостны, как это не парадоксально. И в то же время все они написаны словно бы с грустной улыбкой.

Прекрасно ожиданье счастья.
А счастья нет.
Наверное, об этом знает весь белый свет.
Вся прелесть в этом ожиданье.
Вот в чем секрет.
Иначе в этом мирозданье
И смысла нет.

Авторские комментарии и замечания внутри стихов только подчеркивают это сочетание общеизвестного и вечно нового: «Наверное, об этом знает весь белый свет». Или: «Все поэты напишут об этом...»

Автор понимает, что образы повторяются, настроения и чувства — тоже, и фактически невозможно создать свое, обособленное. «Оранжевая долька — ранний месяц / На темно-синей скатерти небес. / Такое сходство кто-то вдруг заметил / И за блокнотом с ручкою полез...» похожие образы могут возникнуть у каждого из нас. Но в Олиных стихах это звучит не опасением, а единством.

Это желание гармонии. К сожалению, недостижимой. «Я хочу, чтобы было красиво. / Это люди должны быть красивые / изнутри, ну а вещи — снаружи». Любое стихотворение пишется с этим желанием. С тем же, с которым лирический герой фотографирует, «чтобы доказать себе и другим, / что наш мир красив и любим...»

Наверное, так же, как желание недостижимой гармонии, нужно воспринимать ее стихи о любви. У Оли почти нет стихов о любви счастливой. Скорее, это стихи о любви непонятой или отнятой: временем, обстоятельствами, болезнью, непониманием. «Ты решил, значит, ты решил. / Отпустил меня, отпустил. / Но меня позабыл спросить — / Так же проще было решить. // И теперь ты один, как перст. / Ты несешь по жизни свой крест / Одиночества. Я — одна, / Как и ты. И не видно дна / Этой бездны. Просто беда. / Холода, грядут холода...»

Единство, единение с миром возможно, а с человеком — нет. «А на проспекте продают цветы, / Летит листва, прекрасная погода. / И я люблю любое время года, / Но только в нем меня не любишь ты».

Второй сборник Ольги Карагодовой называется «Цветы разлуки». Несмотря на некоторую сентиментальность, название это точно отражает основную тематическую линию сборника: любовь — расставание — встреча. Все стихи Ольги — о любви. словно бы они и есть эти самые «цветы».

Ты подарил мне
грустные цветы,
Цветы разлуки.

Разлука — исток творчества. Одиночество в этих стихах — светлое, лишённое безысходности. Ни одного выпада, ни одного обвинения в адрес другого — человека, птицы или звезды. Все прощены заранее. Более того, автор очень боится обидеть их:

...Я плакать при тебе не стану...
...Я не ропщу, о, Боже сохрани!
Я только лишь чуть-чуть огорчена.

Любовь не омрачается мелочными чувствами. Обидой, самолюбием, ревностью. Те двое, о которых пишет Ольга, лишены индивидуальных характеров. Между ними не возникает ни конфликта, ни обычной человеческой размолвки. Непонимание обрушивается, как стихийное бедствие. Молчание. Отчуждение.

Разлуку человек в стихах Карагодовой принимает безоговорочно, точно смену времен года, дурную погоду, беззвездную ночь.

Разлука возвращает человека к себе, к самой сути любви, от которой не спаса-

ют расстояния, потому что она растворена во всем окружающем. Потому что вечно живет в душе.

...Там, над тобой, другое небо,
Но, может, той же высоты...
А между нами столько красоты,
И синь небес, и горные хребты...

Эта драма (расставание — встреча) грустна и — прекрасна одновременно. Плакать хочется, когда читаешь стихотворение «Когда придет пора прощаться...»

...Когда же я к тебе приеду
Совсем, надолго, навсегда,
Когда придут за мной по следу,
Когда придут за мной по следу
Мои усталые года...

Читаешь и понимаешь: оно и не могло быть написано иначе, очень непростое, будничное и трагическое стихотворение...

«Простота» таких стихов кажущаяся, мнимая. Нельзя сказать, что они вовсе лишены метафор. Другое дело, что они всегда незаметно и потому уместно входят в стихотворную ткань. Если душа летает, как «бабочка, готовая умереть», то чем должно быть тогда сердце? Конечно, свечой.

...Горело сердечко маленькое,
Как свечка внутри зажглась...

Зримость образов порождает четкие формулировки, которыми так богата лирика Карагодовой. Многие стихи построены как единый период со строгим сюжетом и какой-то особой, «карагодовской» симметрией строк.

Это те стихи, которые действительно читаются на одном дыхании, в буквальном смысле этого слова.

Когда упала низко-низко,
Так, кажется, что не взлететь,
Когда, казалось, смерть так близко,
Что можно ей в глаза смотреть,
Когда душа черна от боли
И камень на сердце лежит,
Когда хватает силы воли
С такой душой и сердцем жить,
Когда совсем не виновата,
Что не тебе постель стелю,
Тогда я только тем богата,
Что все еще тебя люблю.

Рецензент сборника Е.В. Григорьева совершенно справедливо отмечает «стихийность» поэзии Карагодовой. «Я как явление природы», — говорит сам автор. Потому-то в ее стихах живут, как полноправные герои, ветер и птицы, луна и звезды, цветы и колосья хлеба. Потому-то для полного счастья лирической героине мало одного избавления от разлуки. Ей нужен весь мир земной и прекрасный: «Что мне нужно для счастья?.. / Чтоб зеленели поля, / Чтоб стоял на столе букет / Полевых гвоздик, / Чтобы крыша была / В ненастье января, / Чтобы розовым был рассвет, / А закат был тих».

А любовь двоих — только вывод, только итог. Ибо сначала нужно «встретиться» с жизнью, довериться ей. Ольге Карагодовой, поэту и человеку, эта встреча нужна сегодня и сейчас... Ее стихи — еще и попытка всгруппить в диалог, дабы обрести душевную гармонию.

Молчать и дальше — силы не осталось.
Такая уж тебе судьба досталась,
Придется слушать исповедь мою...

И я верю, что ее исповедь будет услышана. То, что пережила Ольга Карагодова, переживаем и мы вместе с ней. И становимся добрее и внимательнее друг к другу, убеждаясь в том, что, по словам поэта, «жизнь прекрасна».

Под музыку весеннего дождя
Танцуют строчки непонятный танец.
И повороты предсказать нельзя,
Но можно ненавязчиво добавить
Аккорд последних капель дождевых
И блеск ночных промокших мостовых,
Калитки скрип и поворот ключа,
И тихий шелест старого плаща,
И запах долгожданного тепла —
Его я не добавить не смогла.

Наверное, поэтому стихи эти так перекликаются со стихами Владимира Соколова, который хотел, чтобы его строчки стали жизнью. Проверка жизнью — это как раз то, что нужно для настоящей литературы. Что касается стихов Ольги Карагодовой, то они не просто выдерживают эту проверку, они — вырастают из жизни. Они — бесхитростные, ясные, прозрачные, и есть ее истинное проявление.

г. Саратов

